

Сергей
Малышев

Неподражаемый Баратынский

Подражатели есть у каждого незаурядного поэта. А уж чужие находки использовать – дело самое естественное, на этом вся поэзия и держится. Не случайно Анна Андреевна Ахматова и Владислав Фелицианович Ходасевич всю жизнь перечитывали Пушкина и всякий раз открывали для себя что-то новое и нужное.

Я тоже иногда перечитываю Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Заболоцкого, Пастернака... Восторга при этом не испытываю, просто люблюсь сделанным ими и думаю – как это сделано? Все-таки интереснее, чем телевизор смотреть. И никогда не возвращаюсь к стихам Евгения Абрамовича Баратынского. Те три или четыре стихотворения, которые когда-то сразили меня

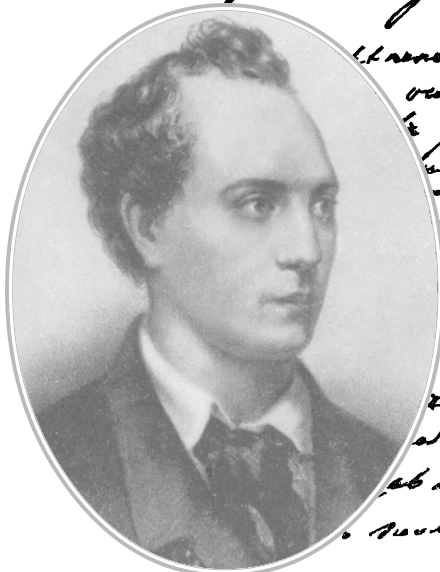
наповал, я и так помню почти наизусть. И понимаю, что «развинчивать» их мне не по силам. Все они подходят под определение «философская лирика».

Мысль и поэзия... Сразу вспоминается пушкинское «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». То есть излагать свои раздумья в ритмизированной форме необязательно, прозы для этого вполне достаточно. Все-таки стихи предназначены для передачи переживания, настроения. Как там у Верлена? «Довольно музыки одной». Если же и появляется в стихах мысль, то это не какая-то глубокая мудрость (хотя иногда и может оказаться такой), а попытка передать ощущение мысли, эмоций, которые она вызывает.

* Например, в стихотворении «А. А. Фуксовой» (кто такой Фукс, или что такое хотя бы Фуксовский садик, где стоит памятник ему, знает любой казанец) Баратынский демонстрирует легкость пера аж альбомную. Всё-то умел наш поэт, при случае загляните в его казанский музей, наверняка что-то неожиданное узнаете. Кстати, про элегию, которой открывается этот выпуск «Казанского альманаха», Пушкин писал А. А. Бестужеву: «Баратынский – прелесть и чудо; «Признание» – совершенство. После него не стану печатать своих элегий...»

Прощай, прости, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 О тебе я буду, в тебе я буду, в тебе я буду,
 когда снова на свете я буду воскресать!
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.

184

Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.

Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.
 Прощай, прости, прости, прости, прости:
 И когда снова на свете я буду воскресать.

перо и время

Странный комплимент сделал Александр Сергеевич Баратынскому: «Он у нас оригинален, ибо мыслит». Как будто сам гений творил легко и просто. «Ангел точности» (по определению одной французской исследовательницы) думать умел ох как хорошо. Его черновики показывают, что к гармонии и ясности он шел через хаос в собственной душе, – а для этого нужен ум дисциплинированный и настойчивый. Да и его проза, даже мелкие наброски, настолько богаты идеями, что уже второй век хватает их для написания огромного числа статей и монографий.

Среди настоящих поэтов людей, не умеющих думать, нет.

Философская лирика Федора Ивановича Тютчева – глубока она или нет, это другой вопрос – формально сделана довольно просто. Советский поэт Николай Николаевич Ушаков, прекрасный версификатор, в стихотворении «Бино» продемонстрировал один из приемов, на которых работал безусловно гениальный творец – гениальный все-таки в «чистой» лирике, без всяких там философий:

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые грозди винограда
давить упорную рукой.

Вино молчит,
А годы лягут
В угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы – те болтливы,
От них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
Храню, как музыку, слова.

Я научился их звучанье
Копить в подвале и беречь.
Чем продолжительней молчанье,
Тем удивительнее речь.

Последние две строчки – чем не тютчевские?

И у любимого моего Николая Алексеевича Заболоцкого его натурфилософия «отслаивается» от системы образов и интонации произведения.

Похоже, Баратынский неповторим.

Он, усвоивший легкость Батюшкова, Жуковского, Пушкина обдуманно утяжелил, архаизировал свой поэтический язык и создал несколько шедевров, в которых мысль, чувство, интонация и образ сплавлены воедино. Скажем, «Недоносок» или вот это:

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущенный мрак –
Исчезнет, с пустотой сольётся
Тебя пугающий призрак.
И заблуждёнью чувств твоей ужас улыбнётся.

О сын фантазии! Ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:

Ей исполинский вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою –
Исчезнет, а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

И учиться здесь нечему, и подражать невозможно...

В наше время ничего подобного создано не будет: скорости не те, а бензин для Пегаса всё дороже и дороже. В России сейчас одновременно творят сотни интересных поэтов. Автор считается явлением, если у него есть с полтысячи читателей. Из которых едва ли десяток понимает, что же на самом деле выдает на-гора их кумир. Угробить жизнь, чтобы создать парочку шедевров, которые все равно фактически никто не поймет? Обидно как-то. Лучше творить эффективное – и быстренько. Что и делается.

Так что рядом с Баратынским не встанет никто.